

просматривается некая устойчивая статистическая взаимосвязь между звукобуквами и, по меньшей мере, основными спектральными цветами.

Ряд поэтов стремится достичь эффекта звукоцветовой синестезии, полагаясь на свое удивительное интуитивное чутье (А. Пушкин, А. Блок, С. Есенин, М. Цветаева, А. Тарковский, Н. Заболоцкий и др.). И оно, как свидетельствует реакция среднестатистического, «объективного» реципиента, их не подводит.

Особый интерес представляет художественное творчество тех поэтов, которые как бы «онаучивали» процесс стихосложения, пользуясь при этом специально разработанной системой собственных (зачастую уникальных) звукоцветовых соответствий. Здесь, в первую очередь, следует назвать имена А. Белого и В. Набокова.

При интерпретации поэтических текстов с закодированной звукоцветовой символикой и тех, где цветовая «программа» закладывается на интуитивном уровне, и тех, где она предварительно оформлена в виде системы важно иметь в виду следующее:

- если в поэтическом тексте нет ярко выраженных звуковых повторов и цветовых номинаций, то хроматический ореол воспринимается как белый или серый (эффект смешивания цветов);

- наибольшее цветовое воздействие оказывают два фактора – повторы гласных и цветослова, причем сила хроматического воздействия последних тем больше, чем меньше в поэтическом тексте встречается ассонансов и аллитераций;

- с возрастанием количества звуковых повторов значимость цветообозначений резко снижается, а при их отсутствии цветовую окраску обеспечивает доминантная, многократно повторяющаяся звукобуква;

- когда в поэтическом тексте встречаются разнородные цветовые номинации, то победителем в их противоборстве будет та, которая подкреплена соответствующим ей по цвету звуком;

- при столкновении качественно различных с точки зрения вызываемых хроматических ассоциаций цветослов и звукобукв наблюдается «цветоинформационный шум»;

- чем уникальнее цветозвуковой стиль поэта, тем большая дистанция между авторским и читательским цветовосприятием звучащего поэтического текста: раскодирование цветовой символики звука в этом случае возможно только после проникновения в программу авторских звукоцветовых соответствий.

Заключение. У языка поэзии можно выделить лексическое, фонетическое и хроматическое измерения. Их синтетическое единство позволяет поэту в яркой художественной форме выразить свои чувства и мысли, а читателю глубже проникнуть в духовный мир творца.

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЭЗИИ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА В СЕМАНТИКО-СТАТИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Т.П. Слесарева

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Художественная литература является одной из специфических сфер функционирования разных видов собственных имен, которые используются авторами как средство художественно-образного отображения действительности. Поэтому современную науку о собственных именах невозможно представить без поэтической ономастики, исследование которой в настоящее время ведется на материале разных национальных литератур [1; 2; 3]. Исследуя ономастический мир художественного текста, филологи ищут и устанавливают элементы индивидуальной

ономастической системы, объединяя все онимы, которые используются автором для решения самых разнообразных художественно-изобразительных и стилистических задач, в ономастическое пространство.

Цель нашей работы – описать имена собственные как элементы стиля Владимира Короткевича. Наблюдения построены на **материале** поэзии Короткевича. Нами проанализировано 325 стихотворений [4], из которых путем сплошной выборки было выписано 528 имен собственных.

Для анализа собранного ономастического материала мы использовали статистический, описательный и стилистический **методы исследования**.

Результаты и их обсуждение. Ономастическая лексика поэзии Владимира Короткевича полисемантическая. Исследуемый материал позволил выявить самые разнообразные тематические разряды онимов.

Как свидетельствуют цифровые данные, самыми употребляемыми явились антропонимы (163 словоупотребления, что составляет 30,8% от общего количества).

Антропонимическая лексика, используемая каждым писателем или поэтом, индивидуальна. Короткевич упоминает как имена современников, так и имена давно живших людей. Среди них – поэты и писатели, поскольку автор уверен, что

Чалавек

Выходзіць пад бомбы ў дарогу,

Захапіўшы з сабой акрым шчоткі зубной

Багдановіча, Танка, Купалу, і Коласа, й Панчанку...[4, 247],

композиторы (*Бетховен* (4), *Чайкоўскі, Шуберт*) и художники, например, *Босх* (5), который «сваёй неўтаймоўнай фантазіяй выклікаў пачварныя здані» [7, 90]. Есть исторические личности (*Цэзар, Жанна д' Арк, Радзівіл, Хатшэпсут, Неферціці, князь Усяслаў, Ягайла, Сталін*) и простые люди (*Аленачка* (6), *Марыя* (6), *Марыся* (5), *Паўліна* (5), *Ян* (8), *Васіль* (3) и другие. Встречается даже пан по прозвищу *Кабыздох*.

Второе место по частоте словоупотреблений в стихотворениях принадлежит гидронимам (92 (17,5%).

У нас 20 з лішнім тысяч рэк,

11 тысяч азёр...[4, 242].

В.Короткевич упоминает как известные, нанесенные на географические карты, реки (*Дняпро* (36), *Неман* (7), *Нерль* (5), *Прыпяць* (2), *Сож* (2), *Дзвіна* (2), *Ніл* (2), *Конга, Ганг*), так и те, которые милы его сердцу – *Каложя* (3), *Аршыца* (2).

Состав топонимов, которым принадлежит третье место (их 89 (16,8%), весьма неоднороден, разнообразен и географически разбросан.: *Мінск* (2), *Рым* (3), *Бахчысарай* (2), *Афіны* (3), *Рыга* (6), *Кіеў, Берлін, Пецярбург, Кракаў* (2), *Варшава* (2), *Вільня*. И, конечно же, *Орша* (4), поскольку, как писал поэт,

Тут нарадзіліся думкі, воля, імкненні, жаданні,

Тут стаў я сынам краіны, абпален яе агнём...

Таму і люблю я Оршу першым вялікім каханнем,

Якое не знікне, пэўна, нават з маім жыццём... [4, 21].

А еще ойконимы *Казлы, Кісцяні, Загор'е, Амерыка* (деревни под Оршей).

Герои Короткевича, как правило, терпимы, толерантны к религиозным убеждениям иноверцев. Четвертое по частоте словоупотреблений место в стихотворениях занимают теонимы. Их 35 (6%). Среди них – *Хрыстос* (6), *Алах, Пярун, Вялес, Шайтан-Мярдзвень*, древнегреческие *Зевес, Пасейдон*.

Владимир Короткевич – человек обширных познаний, заядлый путешественник. 4,7% (25 словоупотреблений) приходится на долю оргонимов. *Яйла* (5), *Аю-даг* (4), *Мядзведзь-гара* (2), *Карадаг* (2), *Чатырдаг* (2), *Учан-су, Кошка-гара*,

Гяур-Баха упоминаются поэтом в анализируемых стихотворениях.

Шестое место среди выписанных онимов занимают урбанонимы (4,5%). Чаще других Короткевичем упоминается *вуліца Касманаўтаў* (5) – «самая любая вуліца з усіх, што есць на зямлі» [4, 372].

Космонимы и астрономы, инсулонимы, зоонимы, геортонимы, порейонимы, эргонимы не имеют высокой частотности и представлены такими онимами, как *Зямля, Месяц, Марс, Млечны Шлях, Андромеда, Стажары, Альдэбаран, Лесбас, Першамай, чэшская фірма «Лігатон»*.

В стихотворениях Короткевича есть и то, что должно лежать в основе нынешней идеологии. У белорусов есть своя, Богом данная, земля, «дзе вечную песню пяе Белавежа», «дзе Неман на захадзе помніць варожую кроў, дзе на ўзвышшах Наваградскіх дрэмлюць суровыя вежы і вішневыя хаты глядзяцца ў шырокі Дняпро». Другой у нас нет и не будет. Поэтому ее надо беречь.

На фоне собственных имен бросается в глаза довольно частое употребление слов *Беларусь* (26), *Радзіма* (15), *Белая Русь* (3), *Айчына* (2).

Беларусь мая, сонца
Дарагая і родная маці! [4, 29]
Беларусь мая, ты адзіная,
Перад кім на каленях стаю [4, 232].

Заключение. Таким образом, ономастическая лексика - заметное, стилистически и семантически маркированное средство, «проекция жизни, прошедшая через призму авторского творчества» [5,58]. Онимы связаны с замыслами писателя, с идейно-тематическим содержанием произведения, с писательской манерой, с мировоззрением художника слова, а наблюдение за системой собственных имен любого литературного произведения «позволяет познавать онимическую лексику не только в лингвистическом плане, но и в тесной связи с литературоведческими дисциплинами на широком филологическом фоне, с опорой на различные философские, идейно-эстетические и культурологические концепции» [6, 7].

Список литературы

1. Калинин, В.М. Поэтика онима / В.М. Калинин. – Донецк: Издательство донецкого государственного университета, 1999. – 408 с.
2. Фонякова, О.И. Имя собственное в художественном тексте / О.И. Фонякова. – Л.: Издательство ЛГУ, 1990. – 103 с.
3. Шур, В.В. Онім у мастацкім тэксце: манаграфія / В.В. Шур. – Мн.: Беларускі кнігазбор, 2006. – 216 с.
4. Караткевіч, У. Збор твораў: У 8 т. Т.1. Вершы, паэмы / У. Караткевіч. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1987. – 431 с.
5. Суперанская, А.В. Структура имени собственного / А.В.Суперанская. – М.:Наука,1969. – 220 с.
6. Рогалев, А.Ф. Имя и образ: Художественная функция имен собственных в литературных произведениях и сказках / А.Ф. Рогалев. – Гомель: Барк, 2007. – 224 с.

ЖАНЧЫНА Ў КАНТЭКСЦЕ МЕМУАРНАЙ ЛІТАРАТУРЫ БЕЛАРУСІ XVII СТ.

В.У. Таранеўскі
Віцебск, УА “ВДУ імя П.М. Маішэрава”

Як ні парадаксальна, але старажытная беларуская літаратура не стварыла ідэальнага ўяўлення пра жанчыну, таму нашыя жанчыны маюць поўнае права